

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ В ПСИХОТЕРАПИИ

Е.Г. ГРЕБЕНЮК

Статья рассказывает о понятии свидетельствования в двух подходах — Аутентичном Движении и нарративной терапии. Она знакомит читателя с ключевыми идеями и принципами, форматами работы и возможностями, которые они открывают. Предпринимается попытка сопоставления двух подходов друг с другом, что приглашает к дальнейшему размышлению относительно развития методологии и практики психотерапии.

Ключевые слова: психотерапия, свидетель, Аутентичное Движение, нарративная практика.

«Одна половина трагедии — не быть услышанным и увиденным;
другая её половина — не быть слышащим и видящим»

Барбара Майерхоф

«Мы хотим быть увиденными другим — такими, как мы есть.

Мы хотим быть свидетельствованными.

И в конечном счете — мы хотим свидетельствовать другого»

Джанет Адлер

Введение

История психотерапии — это в каком-то смысле история осмысления и рефлексии происходящего в западном обществе XX в. — рефлексии включенной и активной, стремящейся сбалансировать, найти и предложить недостающее. Если мы рассматриваем терапию с этой позиции, то практики свидетельствования, о которых идет речь в данной статье, могут быть своеобразным ответом на вопрос: какого способа общения недостает в современной культуре, и чего мы оказываемся лишены в связи с этим?

Статья кратко знакомит читателя с двумя подходами: в них независимо друг от друга развивались форматы работы, включающие позицию свидетеля, и самобытное понимание этого процесса. Заключительный раздел высвечивает моменты сходства и предлагает ряд размышлений по этому поводу.

Аутентичное Движение

Аутентичное Движение — практический подход, опирающийся на аналитическую психологию К. Юнга, и сформировавшийся во второй половине 20 в. в США. Это время, когда развивается понимание танца, его эстетики и способов осмысления. На западе в целом повышается интерес к телесности, к восточным философским учениям и практикам, возникает танцевально-двигательная терапия.

Мэри Старкс Уайтхаус, с работ которой начинается история подхода, училась у пионеров танца модерн и сама преподавала танец. В 50-х гг., после опыта личной терапии и обучения юнгианскому психоанализу в Цюрихе, она замечает параллели между движением и психотерапией. Уайтхаус начинает исследовать движение с закрытыми глазами как форму активного воображения [Юнг, 2007] и называет этот процесс «movement-in-depth» (глубинное движение).

Джанет Адлер, ученица Уайтхаус, дает название новому направлению психотерапии — Аутентичное Движение, которое также приходит из области современного танца — данный термин заимствуется из описания выступления Мэри Вигман [Adler, 2002, с. 1] (здесь нужно пояснить, что заглавные буквы в названии показывают, что речь идет именно о конкретном направлении, а не качестве аутентичности в целом). Именно Дж. Адлер осмысляет и разрабатывает понятие свидетельства в этой практике.

Базовый формат Аутентичного Движения выглядит следующим образом: один человек двигается с закрытыми глазами («движущийся»), другой — видит его со стороны («свидетель»), после чего они встречаются для разговора. Могут задействоваться и другие способы для перехода к более сознательному состоянию и интеграции в нем того опыта, который был пережит в движении: рисунок, письмо, лепка и т.д.

Закрытые глаза у движущегося — способ открыться бессознательно: полагается, что в нашей визуально ориентированной культуре зрение в большей степени связано с эго-позицией [Hartley, 2004]. Таким образом, в телесном проживании и движении становится возможной встреча сознания и бессознательного: «Сердце этого опыта — переживание того, что такое двигаться и быть движимым. В идеале, оба эти качества присутствуют в одно и то же мгновение. Это моменты полной осознанности, воссоединения того, что я делаю — и того, что происходит со мной» [Whitehouse, 1999, с. 43].

Итак, движение может переживаться по-разному. В соответствии с идеями аналитической психологии это описывается с точки зрения возможных источников движения: эго, личное, коллективное или первичное бессознательное, самость [Ходоров, 2009].

В процессе движения можно выделить также разные уровни переживания: телесные импульсы и ощущения, эмоции и чувства, образы и идеи. По его окончании движущийся рассказывает о них свидетелю. Надо сказать, что к вербализации в Аутентичном Движении подходят очень внимательно: освоение языка описания опыта становится важной частью практики.

Свидетель во время движения партнера наблюдает за ним и за собственными ощущениями, и после рассказа движущимся он также может дать отклик. Роль свидетеля в процессе очень велика — по словам Джанет Адлер, эти две позиции неразрывно связаны — интерперсональное и интраперсональное измерения переплетены [Adler, 2002]. Во-первых, свидетельствование выступает поддержкой для движущегося. Внимательное присутствие другого человека воплощает сознательное начало — помогает исследовать бессознательный материал и не дать ему быть забытым. Кроме того, диадные отношения выступают как «терапевтический контейнер», позволяя выносить сильные переживания. Движущийся приобретает опыт того, что другой человек видит его без осуждения, оценок, интерпретаций и т.п. Так он учится занимать подобную позицию по отношению к самому себе — у него формируется фигура «внутреннего свидетеля» [Adler, 2002]. Во-вторых, важно научиться свидетельствовать особым образом. Наблюдая движение, свидетель встречается с различными аспектами собственного опыта и отделяет их от фактических движений другого человека — то есть, используя психоаналитическую терминологию, приобретает навык присваивания своих проекций. Также он учится сопереживать другому, сохраняя при этом устойчивость и контакт со своими ощущениями, давать отклик таким образом, чтобы это было полезно движущемуся, быть включенным и внимательным — к себе, другому и — на более поздних этапах практики — к группе людей одновременно (Collective body) [Adler, 2002].

Аутентичное Движение может быть медитативной практикой, художественным исследованием [Гиршон, 2010]; в рамках данной статьи оно интересует нас в первую очередь как психотерапевтический формат, который позволяет решать следующие задачи:

- оформление, проживание и интеграция различного рода бессознательного материала;
- телесная воплощенность: повышение телесной и эмоциональной осознанности;
- развитие способности к внимательным, уважительным отношениям, навыка отделения собственных оценок и проекций;
- развитие сознания — фигуры внутреннего свидетеля.

Аутентичное Движение может практиковаться вдвоем или в триадах, в группе с ведущим или в группе равных; также практика может плодотворно сочетаться с другими методами вербальной и танцевально-двигательной терапии.

Нарративный подход

История нарративного подхода в психотерапии перемещает нас на другой конец земного шара — он появляется в конце 1980-х годов в ходе сотрудничества М. Уайта (Австралия) и Д. Эпстона (Новая Зеландия) [Уайт, 2010; White, Epston, 1991]. Соответственно, это более поздний подход, концептуально близкий идеям постструктурализма и социального конструкционизма [Burr, 1997; Combs, Freedman, 2012].

Важное влияние на нарративный подход оказали идеи М. Фуко: то, как человек понимается в западной философии, это не отражение неотъемлемой «человеческой природы», а результат социальных процессов и исторических условий. Поэтому те проблемы и характеристики, которые традиционно в психотерапии считаются «внутренними», могут вовсе не являться таковыми. Так М. Уайт и Д. Эпстон приходят к практике экстернализации — отделения человека от проблемы [White, Epston, 1991].

Но на что же можно опираться в психотерапии, если мы отказываемся от подобных представлений о внутреннем устройстве человека? М. Уайт и Д. Эпстон предлагают в качестве ориентира нарративную метафору [Bruner, 1986]. Её идея заключается в следующем: мы осмысливаем и упорядочиваем жизненный опыт, структурируя его через истории. Целью психотерапии в этом случае становится пересочинение личной истории таким образом, чтобы она в большей степени воплощала ценности человека и поддерживала его переживание авторской позиции. Существуют определенные принципы, помогающие создавать такие истории [см. например, Уайт, 2010].

В ходе работы М. Уайт замечает, что клиенты стараются привлечь публику для рассказа своей новой истории. Он начинает сознательно применять подобные форматы, исследует метод рефлексивной команды, предложенный Т. Андерсоном [White, 1995]. Но особенно созвучными и вдохновляющими оказываются работы Б. Майерхоф [Mayerhoff, 1978; 2007].

Б. Майерхоф, — американский антрополог в конце 70-х гг. разрабатывает и применяет в своей работе с сообществом пожилых евреев, проживающих в Калифорнии, формат «Церемоний признания самоопределения» (Definitional Ceremonies). Данное сообщество образовалось в результате эмиграции, но несмотря на свое изолированное, маргинальное и в целом сложное положение, люди внутри него проявляли актив-

ность и страсть к смыслу. Это привело Б. Майерхоф к идее организовать пространство, где они смогут рассказывать о своей жизни, приносить материалы, фотографии, письма, — и выступать в качестве внимательно слушающей публикой друг для друга. Такие встречи оказываются мощным опытом: «...Это послание о протяженности, послание о связанности каждой жизни с целым. Это мы имеем в виду, когда говорим, что жизнь имеет значение: она откуда-то берет начало и простирается куда-то ещё. Так наступает восстановление, фундаментальное исцеление — когда история рассказана и услышана» [Mayerhoff, 2007, с. 19].

Опираясь на эти идеи и собственную практику, М. Уайт находит способ структурировать процесс свидетельствования, который оказывается наиболее действенным. Это реализуется следующим образом. Если в ходе индивидуальной работы с клиентом возникает идея работы со свидетелями, к их подбору и подготовке подходят весьма тщательно. Свидетелями могут выступить родственники и друзья, люди помогающих профессий, люди со схожим жизненным опытом. С ними проводится предварительная встреча, где рассказывается цель и принципы процесса. Оговаривается то, что не уместно в данной работе: моральная и профессиональная оценка, сравнение с нормами и интерпретации, советы, поучительные притчи, навязывание своего мнения, попытки помочь или подбодрить, поздравления и комплименты и т.д. Далее происходит сама встреча. Сначала терапевт в присутствии свидетелей некоторое время разговаривает с человеком, который находится в центре церемонии (клиентом), о его опыте и тех ценностях, которые за ним стоят. После этого свидетели озвучивают свои отклики в ответ на услышанное. Структура этих откликов направлена на создание резонанса вокруг общих ценностей. Наконец, клиент дает свой отклик на сказанное свидетелями.

Процесс взаимных откликов направляется терапевтом, который последовательно задает следующие вопросы [Уайт, 2010]:

1. Слова и выражения из рассказа, которые привлекли внимание.
2. Образы, ассоциации, метафоры, которые возникли: как это может говорить о ценностях и надеждах рассказчика.
3. Резонанс: личный опыт, который оказался затронут.
4. Катарсис: как эта история повлияли на слушателя.

Данная практика оказывается значимой для участников по многим причинам: уплотнение предпочитаемой истории, эквивалентное нескольким сессиям с терапевтом; терапевт уходит из фокуса внимания и расширяется аудитория; ощущение связи между своими ценностями, надеждами, мечтами — и таковыми у других людей; ощущение собственной способности сделать вклад в жизнь других людей и др. [Russel, Carey, 2004]. Она может применяться не только в контексте индивиду-

альной работы, но и, например, для разрешения конфликтов в семейных или профессиональных отношениях [Russel, Carey, 2004]. Другой вариант ее приложения — в качестве метода интервизии и супервизии в нарративной практике [Fox, 2002]. Наконец, данный формат широко применяется в работе с сообществами [Denborough, 2008].

В чем резонанс двух практик?

Очевидно, что описанные подходы очень различны, — и тем интереснее обнаружить в них моменты сходства.

Оба они по-своему контркультурны: они *подвергают более пристальному рассмотрению то, что кажется само-собой-разумеющимся*.

В Аутентичном Движении предлагается альтернативная точка зрения на телесность: «Поразительно, как часто люди почти полностью не осознают себя физически. Наши индивидуальные способы сидеть, стоять, двигаться, есть, курить, говорить — настолько привычны, что кажутся естественными и не заслуживающими внимания. Чудесное удовольствие от движения, доступное в детстве, потеряно. Движение стало средством для достижения конечного результата, обычно рационального и целенаправленного, и происходит автоматически в ответ на сотни умственных образов того, как пойти куда-то и сделать что-то» [Whitehouse, 1999, с. 43].

В нарративной практике вслед за М. Фуко сильна рефлексивная и критическая позиция по отношению к «микropolitике» в области психотерапии: «Нам стоит распознавать контекст тех идей, в котором размещены наши практики, и исследовать историю этих идей. Это позволит более ясно увидеть эффекты, опасности и ограничения этих идей и нашей собственной практики. И, вместо убежденности в том, что терапия не имеет отношения к социальному контролю, нам стоит признать, что она содержит множество таких возможностей. Таким образом, нам необходимо работать над тем, чтобы идентифицировать и критиковать те аспекты нашей работы, которые могут иметь отношение к техникам социального контроля» [White, Epston, 1991, с. 29].

Продолжая эту идею, оба подхода исследуют ответы на вопрос: *какой терапевтической практики недостает в современной культуре?*

Аутентичное Движение: «Мы не были в достаточной степени увиденными, или увиденными с достаточным принятием, или увиденными с достаточной любовью, или увиденными с достаточной осознанностью — мы достигаем зрелого возраста с неутоленным стремлением быть увиденным другим. В Западном обществе явно ощутима эта глубинная необходимость человека быть увиденным таким, какой он есть — в том, что он делает» [Adler, 2002, с. 6].

Нарративный подход: «Эти церемонии — ритуалы признания и положительной переоценки жизни людей (по контрасту со многими ритуалами современной культуры, которые выносят суждение и принижают человеческие жизни, унижают людей). Жизнь людей часто сравнивается с социальными нормами, и в результате выносятся негативные суждения: люди оцениваются как неадекватные, некомпетентные, несостоятельные» [Уайт, 2010, с. 182].

Процесс поиска ответов на этот вопрос можно проиллюстрировать введением в практику каждого из подходов некоторых схожих принципов:

1. Восстановление связи с культурным контекстом.

Оба подхода по-своему обращаются к укорененным в культуре идеям и практикам.

Нарративный подход: «Нечто весьма странное произошло внутри западной культуры. Стало считаться, что если люди переживают травму, им необходимо искать помощи стороннего профессионала, (...) который оставит за пределами своего офиса любую связь с локальной фольклорной культурой» [Denborough, 2008, с. 162].

Аутентичное Движение: «Дисциплина Аутентичного Движения берет свое начало одновременно и в древних, и в современных формах танца. (...) её корни — в целительных практиках, танце и мистицизме» [Adler, 2002, с. 187].

2. Интеграция индивидуальности и совместности.

Ценность связи с культурой, социальным контекстом, другими людьми — так они отходят от идеи индивидуализма (и изоляции как её последствия). Это не обращение к коллективистскому полюсу, а выход за пределы их противопоставления.

Аутентичное Движение: «В течение последнего столетия стремление к индивидуализации было доминирующим; мы правомерно искали освобождения от оков и ограничений, накладываемых на нашу персональную свободу, выбор и самосознание, — групповой идеологией, массовой психологией и религиозным догматизмом. Мы преуспели в развитии индивидуального самосознания, но трагическим результатом этого стала потеря чувства принадлежности, потеря воплощенного переживания единения с телом племени, с телом самой земли» [Hartley, 2004, с. 67]. Дж. Адлер подчеркивает, что коллективизм опасен, когда он бессознателен. Если же мы осознанно находим путь быть уникальными, находясь с другими людьми в общем кругу, — это имеет особую ценность [там же].

В нарративной практике также звучит ценность «единства в многообразии» (по выражению П. Фрейре). Поэтому работа со свидетелями и сообществами очень приветствуется: «Это дает возможность заглянуть

за пределы дуализма индивидуализма и коллективизма. Взамен мы можем исследовать, как внутри одной культуры сосуществует язык индивидуалистический — и язык традиции, коллективной приверженности» [Denborough, 2008, с. 179].

3. Быть увиденным и услышанным другим человеком — это важно.

В обеих практиках находит отражение следующая идея: человеку важно быть увиденным другим в собственной уникальности — без её нормирования и интерпретации, обесценивания или превознесения, попыток помочь или исправить. Но наше общество предлагает драматически мало таких возможностей. В данных подходах предпринимается попытка найти ответ на вопрос, в какой форме включить эти принципы в структуру практики?

«Стремление быть присутствующим в каждом движении своего тела приглашает движущегося воспринимать себя действительно всерьез... Когда как свидетель я называю каждый жест, движущийся учится тому, что любое его движение стоит того, чтобы быть увиденным. Этот чрезвычайно простой акт признания создает пространство для практики» [Adler, 2002, с.18].

«В соответствии с понятием катарсиса вопросы свидетелю направлены на то, каким образом услышанные истории переместили, продвинули его в собственной жизни. Это понятие побуждает нас признать, что истории оказали на нас влияние» [Уайт, 2010, с. 214].

В своем устройстве эти форматы транслируют участникам что-то вроде следующей идеи: моё движение, моё слово не могут быть правильными или неправильными, они просто такие — и в этом своем выражении они заслуживают внимания, они имеют значение, они не могут не влиять на другого человека.

Здесь также звучит представление: мы всегда существуем в отношениях; процесс предъявления себя другому — это не рассказ о себе, это и есть «Я»: «Перформанс — это не только лишь инструмент, чтобы быть увиденным. Перформанс и есть самоопределение, он равноценен самопровозглашению» [Mayerhoff, 2007, с. 33].

4. Другого можно видеть с позиции свидетеля.

Эти практики учат занимать позицию свидетеля: нарративный подход — через структурирование процесса терапевтом; Аутентичное Движение — благодаря продолжительной дисциплине самонаблюдения. Находясь в этой позиции, невозможно не меняться: это опыт соприкосновения с собственными образами, эмоциями, историями, ценностями.

5. С позиции свидетеля можно видеть самого себя.

Будучи увиденным другим и учась быть свидетелем другого, человек учится быть свидетелем самого себя. Безусловно, эта идея более ярко

звучит в Аутентичном Движении. У постструктуралистски настроенного читателя словосочетание «внутренний свидетель» может вызвать неоднозначные ощущения.

Однако если мы стремимся к методологической стройности, соотнести эти два подхода нам позволяет концепция Диалогического Я — Гурберт Херманс вполне оправданно называет свою теорию «bridging theory», «Я» в ней рассматривается как динамическое множество Я-позиций, находящихся в непрерывном процессе взаимодействия друг с другом [Hermans, 2012]. Эта теория может быть отнесена к постструктуралистским, поскольку она описывает «Я» как относительное, текучее и полифоничное, рассматривает его в связи с социальным контекстом и отношениями власти. С другой стороны, она не противоречит и психоаналитическим взглядам. Более того, и в них присутствует тенденция перехода «от идеи выделения сознания/предсознания/бессознательно ко взгляду на «Я» как децентрированное — конфигурацию меняющихся, нелинейных, прерывающихся состояний сознания в их продолжающейся диалектичности со здоровой иллюзией собственной целостности» [Rowan, 2010, с. 8].

Итак, можно предложить такой способ концептуализации: в процессе описанных коммуникативных практик у человека развивается способность к свидетельствованию как определенной Я-позиции. Сам Херманс не выделяет таковой (мета-позиция — это несколько другое), хотя описанная им позиция «трансцендентной осознанности» весьма похожа на описание «сознания свидетеля» в Аутентичном Движении [Hermans, 2012, с. 18—20]. Но даже не претендуя на неё, способность свидетельствования как уважительного и поддерживающего внимания к себе и собственному многообразию может стать важным навыком.

6. Человек — эксперт по своей жизни.

Дж. Адлер (Аутентичное Движение): «Клиент — эксперт по своему собственному опыту» [Hartley, 2004, с. 30]. В нарративном подходе классической является формулировка: «Клиент — эксперт по своей жизни, терапевт — эксперт по задаванию вопросов».

Безусловно, позиция терапевта в этих двух практиках различна. Однако тенденция едина: поддержка у клиента чувства авторства — способности интерпретировать и определять свою жизнь.

7. Внимательность к языку описания опыта.

Осознанная речь и подбор слов — это путь реализации тех принципов, которые описаны выше. В Аутентичном Движении — как дисциплина развития сознания; в нарративной практике — как чуткость к конституирующей (создающей реальность) роли языка.

8. Движение от психотерапии к практикам.

Поскольку и тот и другой формат включает в своей структуре необходимые ценности и принципы, они более демократичны — больше возможностей для их воспроизведения без необходимости обращаться к терапевту как авторитетной фигуре. Они смешают его из центра работы, передавая терапевтическую функцию группе. На начальных этапах принципиально важно присутствие человека, который будет поддерживать необходимую структуру взаимодействия. Но это удобные форматы для группы равных — людей, знакомых с принципами и имеющих определенный опыт. Не случайно оба подхода предпочитают слово «практика» слову «терапия» с его коннотациями и ограничениями.

Безусловно, это скорее направление движения; но что, если ненадолго разрешить себе смелость задаться вопросом: а куда оно может нас привести? Быть может, на определенном этапе развития общества стало необходимо выделение психотерапии как отдельной функции, но потом она сможет быть интегрирована обратно в коммуникативные, двигательные, социальные практики (как это было когда-то, но уже иным образом)?

Заключение

Сейчас кажется занятой куда более близкая перспектива: например, если видны различия и сходства в этих двух практиках, что можно с этим делать? Смешивать их не кажется хорошей идеей. Однако весьма вероятно, что опыт одной может усиливать опыт другой: Аутентичное Движение предлагает возможности для телесного воплощения, нарративный подход — для задавания вопросов и вписывания опыта в жизненный и социальный контекст.

Упрощая, можно сказать, что данные практики применяют схожие принципы к разным уровням человеческого опыта. Здесь мы приходим к вопросу о том, как можно создать постструктуралистский подход к пониманию идентичности, включающий в себя телесность, и какие методы психотерапии могут быть созданы на его основе.

Наконец, становится возможным вопрос: а что, если встраивать практики свидетельствования в другие доступные нам контексты? Каким могло бы стать, например, образование, если бы такие принципы существовали в нем наряду с распространенными ритуалами оценки и соревнования, вариациями на тему «что хотел сказать автор»?

ЛИТЕРАТУРА

Гирион А.Е. Истории, рассказанные телом. Практика Аутентичного Движения / СПб.: Речь, 2010.

- Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию / М.: Генезис, 2010.
- Ходоров Д. Танцевальная терапия и глубинная психология: Движущее воображение / М., Когито-Центр, 2009.
- Юнг К. Аналитическая психология. Тавистокские лекции / М: Азбука, 2007.
- Adler J. Offering from the conscious body. The discipline of Authentic Movement / Inner traditions, Rochester, Vermont, 2002.
- Burr V. Social Constructionism and Psychology / The New Psychologist, OUPS, Milton Keynes, 1997.
- Bruner J. Life as narrative // Social Research. 1987. 54 (1). Pp. 11—32.
- Combs G., Freedman J. Narrative, Poststructuralism, and social justice: current practices in narrative therapy // The Counseling Psychologist. 2012.
- Denborough D. Collective narrative practice: Responding to individuals, groups, and communities who have experienced trauma / Adelaide: Dulwich Centre Publications, 2008.
- Hermans H., Gieser T. History, main tenets and core concepts of dialogical self theory // Handbook of Dialogical Self theory / UK: Cambridge university press, 2012.
- Mayerhoff B. Number our days // A Touchstone book / NY: Simon&Schuster, 1978.
- Mayerhoff B. Stories as equipment for living (last talks and tales of Barbara Mayerhoff) / The university of Michigan Press, 2007.
- Fox H. Outsider-witness practices and group supervision // International Journal of Narrative Therapy and Community Work. 2002. № 4.
- Hartley L. Somatic psychology. Body, mind and meaning / L., Whurr Publishers Ltd, 2004.
- Rowan J. Personification. Using dialogical self in psychotherapy and counseling / NY: Routledge, 2010.
- Russel S., Carey M. Narrative therapy. Responding to your questions / Adelaide: Dulwich Center Publications, 2004.
- White M., Epston D. Narrative means to therapeutic ends / NY: A Norton professional book, 1991.
- White M. Reflecting teamwork as definitional ceremony // Re-Authoring Lives: Interviews and Essays / Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1995.
- Whitehouse M.S. The Tao of the Body// Authentic movement: essays / Ed. by P. Pal-laro. UK, Jessica Kingsley Publishers, 1999.

WITNESSING IN PSYCHOTHERAPY

E.G. GREBENYUK

The article introduces the concept of witnessing in two approaches — Authentic Movement and narrative therapy. It speaks of the main ideas and principles, methods and possibilities, opening by them. Also it analyses the relationship between two approaches and invite the reader to the further questioning about the development of methodology and practice of psychotherapy.

Keywords: psychotherapy, witness, Authentic Movement, narrative practice.

- Girshon A.E.* Istorii, rasskazannye telom. Praktika Autentichnogo Dvizheniia / SPb.: Rech', 2010.
- Uait M.* Karty narrativnoi praktiki: Vvedenie v narrativnuiu terapiiu / M.: Genezis, 2010.
- Khodorov D.* Tantseval'naia terapiia i glubinnaia psikhologiiia: Dvishushchee voo-brazhenie / M., Kogito-Tsentr, 2009.
- Lung K.* Analiticheskaia psikhologiiia. Tavistokskie leksii / M: Azbuka, 2007.
- Adler J.* Offering from the conscious body. The discipline of Authentic Movement / Inner traditions, Rochester, Vermont, 2002.
- Burr V.* Social Constructionism and Psychology / The New Psychologist, OUPS, Milton Keynes, 1997.
- Bruner J.* Life as narrative. Social Research. 1987. 54 (1). Pp. 11—32.
- Combs G., Freedman J.* Narrative, Poststructuralism, and social justice: current prac-tices in narrative therapy. The Counseling Psychologist. 2012.
- Denborough D.* Collective narrative practice: Responding to individuals, groups, and communities who have experienced trauma / Adelaide: Dulwich Centre Publications, 2008.
- Hermans H., Gieser T.* History, main tenets and core concepts of dialogical self theory // Handbook of Dialogical Self theory / UK: Cambridge university press, 2012.
- Mayerhoff B.* Number our days. A Touchstone book / NY: Simon&Schuster, 1978.
- Mayerhoff B.* Stories as equipment for living (last talks and tales of Barbara Mayer-hoff) / The university of Michigan Press, 2007.
- Fox H.* Outsider-witness practices and group supervision. International Journal of Narrative Therapy and Community Work. 2002. № 4.
- Hartley L.* Somatic psychology. Body, mind and meaning / L., Whurr Publishers Ltd, 2004.
- Rowan J.* Personification. Using dialogical self in psychotherapy and counseling / NY: Routledge, 2010.
- Russel S., Carey M.* Narrative therapy. Responding to your questions / Adelaide: Dulwich Center Publications, 2004.
- White M., Epston D.* Narrative means to therapeutic ends / NY: A Norton professional book, 1991.
- White M.* Reflecting teamwork as definitional ceremony // Re-Authoring Lives: Interviews and Essays / Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1995.
- Whitehouse M.S.* The Tao of the Body. Authentic movement: essays / Ed. by P. Pallaro. UK, Jessica Kingsley Publishers, 1999.